

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

УДК (1+001)/16
DOI 10.20339/AM.12-19.052

В.Н. Жуков,
д-р филос. наук, проф.,
независимый исследователь
e-mail: vz7358@gmail.com

ОБ ОТЧУЖДЕНИИ ПРОЦЕССА ПОТРЕБЛЕНИЯ ЗНАНИЯ ОТ СОЗНАНИЯ, И О ТОМ, КАК ЭТУ СИТУАЦИЮ ПРЕОДОЛЕТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ON ALIENATION OF THE PROCESS OF CONSUMPTION OF KNOWLEDGE FROM COGNITION AND ABOUT HOW SUCH SITUATION TO OVERCOME IN MODERN RUSSIA

V.N. Zhukov id Dr.Sci. (Philosophy), prof., independent researcher

С интересом прочитал статью «Товарный дискурс в системе высшего образования и науки», опубликованную в № 6 журнала *Alma mater* (Вестник высшей школы)¹. Хотелось бы поделиться некоторыми мыслями. Если говорить старым философским языком, речь идет (насколько я понял) о фундаментальных проблемах философского знания.

В статье говорится о главном источнике отчуждения – разрыве при создании самого знания и потреблении его результатов: «Нельзя разрывать две ипостаси производства – создание и потребление» [С. 14]. В начале статьи цитируется принципиальное положение, высказанное еще А.А. Фурсенко: «Вырастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других» [С. 10].

Честно скажу, читая эти слова, дрожь пробирает. И дело не в личной психологической реакции на эти слова, а в том, что это не просто открытая установка на отчуждение творчества в создании знания от потребления результатов этого творчества. Самое плохое в том, что это уже осуществлено на практике и знакомо каждому преподавателю, который и выступает в роли этих самых «других», за счет которых и осуществляется процесс потребления знания. Проще говоря, лекции, статьи, книги, те или иные научные успехи (мелкие или крупные) уже перестали принадлежать самому ученому, но принадлежат «квалифицированным потребителям его творчества», которые становятся все более и более квалифицированы в умении потреблять труд ученого, не оставляя последнему почти ничего.

Пусть бы эти потребители творчества других ели, пили да праздновали, как писал Л.Н. Толстой, но вот беда – знание перестает быть знанием в высшем образовании России, оборачивается к человеку не своей высокой стороной истины, не своим имплицитным гносеологизмом (выражаясь совсем по-ученому), а только своей рыночной сиюминутной стоимостью. Нужна не научная истина – в современной России она никому почти уже не нужна, а ее товарность. Но это похоже на то, как в любом магазине товару стремятся придать прежде всего то, что сами торговые работники и называют «товарным видом», когда действительные качества товара – его полезность или вредность – никого не интересуют, а интересен только товарный вид, т.е. продаваемость, реализуемость товара.

Как же здесь не относиться к науке как к чему-то вторичному (о чем авторы пишут на с. 11). Да по-другому и быть не может: ведь интересует продаваемость науки, ее товарность, а не научная истинность.

Читая высказывания наших начальников о том, что наука должна быть практичной, что патриотизм выше знания и др., так и вспоминаются библейские слова о том, что лучшим делом для многих было бы молчание. Ведь и в голову не приходит этим людям, что наука может быть практичной только тогда и только в том случае, когда она теоретична. Это простое взаимоотношение, ясное для любого, самого рядового, добросовестного ученого, для этих начальников, нахватавших кандидатских и докторских степеней – тайна за семью печатями.

Конечно, можно много говорить о причинах разрыва между созданием знания и его потреблением об изменении социального строя, вульгарной прагматизации науки,

¹ Тюрина Л.Г., Овчинников Г.К. Товарный дискурс в системе высшего образования и науки // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 10–16.

деградации современной российской экономики и др. Но сейчас ничего не поделаешь, надо хоть каким-то образом, пусть только частично, преодолеть это отчуждение, этот разрыв в уже существующих условиях, когда все стало товаром и все на продажу. В учебных заведениях, связанных с торговлей, есть такая дисциплина «товароведение», а сейчас уже речь в российской науке идет, как ни странно прозвучит, о товароведении знания, превращенного в товар. На душу совсем не ложится, а деться некуда.

Кроме социально-экономических, политических и тому подобных причин, есть еще одна причина, о которой хотелось бы сказать. Еще задолго до разрушения СССР вышла известная книга У. Ростоу «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест», где и провозглашалась идея будущего как идея потребительского общества, созданного на основе научных достижений, и проводилась мысль о том, что только в таком обществе всеобщего материального благоденствия человек и сможет заниматься именно качеством жизни, станет по-настоящему моральным существом, т.к. будет заниматься свободными духовными поисками и др. Соответственно наука, превратившись в товар, должна будет служить не поиску истины, а этому потребительскому обществу, т.е. стать обычным товаром, как товаром становится в таком обществе все. Но остается ли наука в таком случае наукой, не будет ли превращена в таком случае лишь в инструмент роста потребления, и ничего больше? Короче говоря, «напотреблялся», а потом и занимайся морально-нравственными исканиями.

Но позиция У. Ростоу в западном обществе давно раскритикована и преодолена, а вот у нас эти западные обноски вынырнули чуть ли не в форме официальной позиции самого государства, в т.ч. в сфере образования.

Думаю все же, что главная опасность при превращении знания в товар одна – морально-нравственная сторона истины. Она обязательно присутствует в науке, ведь ученый занимается не просто поиском чистого знания, он ищет научную правду, то, что правдиво, истинно, пусть это будет в естественнонаучной или гуманитарной области, безразлично. Так вот, эта моральная сторона науки просто изымается, стирается, уничтожается, и остается одно – эффектная внешняя результативность, прежде всего в прибыли. За счет чего достигнут этот результат, нужен ли он в глубоком, долговременно-серьезном смысле, не интересует никого. Больше значит лучше, трещат нам со всех сторон энергичные организаторы роста рейтингов и прибыли от науки. Да лучше ли, если больше?

Ведь посмотрите, что происходит у нас в высшем образовании с начала 1990-х гг. Открыто пропагандируется самый примитивный, самый вульгарный, низкопробный позитивизм и прагматизм, от которого отшатнулись бы все умные позитивисты и прагматики Запада. Посмотрите на программу кандидатского минимума по истории и философии науки: ни истории науки, ни серьезной философии науки там нет, а про мелкотемье кандидатских и докторских диссертаций и говорить не хочется. Скоро докатимся до того, что будут писать диссертации об

эпистемологических основаниях развития банно-прачечного дела, например, в городе Урюпинске, или о закономерностях развития службы вагоновожатых. Ведь наука должна быть практичной, как нам было сказано.

Это превращение знания в товар не проходит бесследно для общества. Разделение живого тела научной истины на собственно знание и на его потребление приводит к отчуждению морали, нравственности от ее прикладного, практического-жизненного применения. *Знание как товар оказывается вне нравственным и антинравственным по сути своей.*

Такого просто не могло бы быть, не будь разрыва-отчуждения между созданием знания и его потреблением. Поскольку жизнь любого общества без науки сегодня невозможна, то моральная деградация современного российского общества – коррупция, культ «крапивного семени» чиновников и все прочие «прелести» современной российской жизни – вызваны прежде всего и по преимуществу (знаю, что не согласятся с этим утверждением) именно деградацией науки как главного, центрального стержня человеческой жизни в XXI в. или, по крайней мере, одного из главных. Нельзя быть моральным и порядочным в современном, научно организованном обществе, если одна из основ этого общества – наука и высшее (т.е. научное) образование – гнилая, «обезмораленная» сфера, ведь на гнилом фундаменте здания не построить, да оно и не строится.

Понимаю, это может показаться странным – коррупция, нищета, обман и др., а какой-то вузовский преподаватель пишет, что одно из важнейших лекарств против этого – наука. Уж не заговорился ли? Совсем нет, ведь вспомним: для того, чтобы быть ученым (и кто только не писал об этом), пусть даже самым обычным, самым рядовым, а уж тем более большим ученым необходимы честность и искренность в талантливом поиске истины, и об этом замечательно писал Кант.

Ученый (а не административный проходимец в науке) по самой природе своей существо далеко не всегда удачное в своей жизни, но всегда (не имею в виду себя) довольно честное, молчаливое и «категорично-императивное», если так можно сказать. Чем больше таких, не очень ловких в жизни, очень рассеянных, совсем не ловцов удачи, тем искреннее, честнее общество не потому, что ученые такие хорошие (они очень сложные люди), а потому, что профессия такая.

Подобно врачу, которому часто бывают неприятны и даже отвратительны некоторые больные, но надо лечить, подобно учителю, которому некоторые хамоватые ученики доставляют столько хлопот, но надо учить, точно так же и в науке, где люди очень разные, и плохие, и хорошие, всякие, но сама-то наука дело исключительно честное и искреннее. Поэтому с деградацией науки как общественного явления обязательно деградирует и общество. В Средние века можно было быть моральным, не имея никакого отношения к науке, но сейчас это невозможно.

Соглашаясь с общим направлением опубликованной статьи, все-таки хотелось бы уточнить следующее. Авторы пишут: «Можно сделать вывод, что

«товарная» тенденция в понимании образования и науки имеет все же, как нам представляется, право на существование» (С. 13). Да, имеет, никуда не денешься, только вопрос, как любил говорить Гегель, в степени, т.е. в степени той товарной тенденции, которая охватила наше высшее образование.

Не будучи специалистом по западной системе высшего образования, все же, насколько знаю, эта тенденция там имеет свои пределы, свои ограничения и исключения (не говоря уже о совершенно иных материальных условиях для ученых). У нас же складывается ситуация, что профессия вузовского преподавателя — чуть ли не какое-то проклятие, которое сам на себя вследствие своего дарования или способностей навлек человек. Конечно, никуда не денешься от этой товарности, но проблема в том, какие конкретные меры найти для тех областей знания вузовской науки, где эта товарность была бы ограничена или, может быть (мечты, конечно!), и вовсе в некоторых случаях не действовала. Вот почему-то об этом у нас полное молчание.

Но что же делать практически в ситуации, когда товарность знания неизбежна и не просто неизбежна, а возникла какая-то тотальность товарности, «товарный тоталитаризм» в образовании и науке, хотя в то же время ясно, что превращение знания только в товар и в ничего большее губительно?

Для обычного преподавателя одного из вузов Москвы, отметим в **заключение**, остается одно — помечтать.

1. В СССР ВАК был при Совете Министров, и нет сомнения в том, что это было полностью оправдано, т.к. наука пропитывает все сферы жизни современного общества. Почему же сегодня ВАК существует только при Минобрнауке, которое только лишь одно из министерств? А что, деятельность всех других министерств уже вне, за пределами

науки в XXI столетии? Почему не восстановить, не поднять роль ВАК до прежнего уровня?

2. Нет сомнения в том, что восстановление значения научного творчества в вузе может быть связано в современных условиях только с одним — постепенным и разумным предоставлением сообществу вузовских ученых все большей научной и административной самостоятельности.

Речь не идет о вузовском анархизме, но только о том, что административный аппарат вуза — средство для его научного и учебного развития, а не сам источник этого развития, как это существует в России сегодня. Речь идет о давно назревшем развитии *научного демократизма* (наука демократична по природе своей), и вот здесь наши доморощенные западники должны действительно поучиться у многих западных университетов в организации такого рода разумной (подчеркиваю это специально) вузовской научной самостоятельности.

3. Перестать рассматривать рейтинг вуза как чуть ли не единственный показатель его успешной работы, ведь наука — не бег наперегонки, где призы раздают не лучшим, а первым (что не одно и то же).

Не столь давно, работая в одном из известных столичных вузов, я присутствовал на собрании, где выступал вновь назначенный проректор по науке. Единственным лейтмотивом выступления чиновника был один — срочно публиковаться (в т.ч. за свой, личный счет при преподавательских-то зарплатах!) в рейтинговых научных журналах. Это было все, что человек мог сказать о научных перспективах большого вуза.

Квалифицированное потребление творчества других (завет Фурсенко) дошло у нас до небывалого уровня. Сами эти «другие» и должны теперь оплачивать свой собственный труд — ну, где еще в мире есть такой уровень квалифицированности в потреблении творчества других ученых? Думаю, нигде. Наука не спорт, не политическая гонка за голосами, не поиск популярности, любая эстрадность глубоко чужда спокойному, неспешному, вдумчиво-глубокому процессу научного познания.